

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 361/354.2428

ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

ФИЛОСОФИЯ РЕФЛЕКСИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И ЕГО «УЗАКОНЕННОЙ ВОЗМОЖНОСТИ»

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса: Применение философских категорий, определяющих сущность, содержание и форму предметов и явлений, дает возможность применительно к праву и его важнейшей отрасли – Конституционному праву сформировать четкое представление не только об их рефлексии, но и о рефлексии его «узаконенной возможности» – Конституции РФ.

Понятная для большинства людей стабильность их существования всегда без проблем увязывалась со смыслом и ценностью их жизни и по этой причине вполне оправдано исходила из априорного предположения о безусловном наличии в обществе такой стабильности. Она обеспечивалась совокупностью принципов права, которые характеризовали только отношение субъектов права к праву; специфическим представлением «функции права», которая определялась как «направление правового воздействия», что соответствует «области ее значений», специфическим смысловым наполнением правомочия «распоряжаться», а введенные в силу этого «нормы права», определяющие его содержание, перечислены не были и получили в статьях нормативно-правовых актов только смысловое описание.

Правовые коллизии дополнились коллизиями Основного закона государства, к числу которых следует отнести то, что принципы права внесены в нее не были, при этом формулировались не в его преамбуле, а в нормативно-правовых статьях, что позволяло, хотя и под угрозой наказания, отступать от них; основа «общественных отношений» – «собственность» характеризовалась дефицитностью ее материально-правового представления, что позволяло отождествлять понятие «демократия» со «свободой выбора» и оправдывало введенное еще Аристотелем «разделение властей», которое власть имущими воспринимается почему-то как «разделение полномочий».

Предложенные и развитые «Рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ» поправки, к сожалению, не устраняют перечисленных противоречий, точно также как и «уличные требования» оппозиции сохранить Конституцию РФ без изменений.

Результаты: Предложено исходить из того, что объективная реальность, связанная с пребыванием людей в весьма изменчивой и агрессивной среде обитания, со сложностями в силу наличия у них весьма противоречивых интересов их совместного сосуществования, является меняющейся, а стабильность представляет собой всего лишь ее частный случай.

Это позволяет на уровне права и его важнейшей отрасли – конституционного права положить в основу аксиоматики отношений в обществе общечеловеческие ценности; использовать для выявления в праве понятийных, статических и динамических противоречий категориально-структурно-системный метод; узаконить для этого общепринятое представление о «функции» и на этой основе разработать функциональную структуру права и реализующую ее организационную структуру права, позволяющие выявлять статические противоречия, при этом динамические противоречия могут быть выявлены и устранены предварительной апробацией на практике по примеру правового обычая.

Применительно к Конституции РФ предложено ввести принципы права и его содержание в преамбулу; вернуться к общепринятому пониманию «собственности», которая всегда сначала узаконенную «принадлежность чего-нибудь кому-нибудь»; на ее основе узаконить ее структурное представление как «сложного объекта», позволяющего наряду с частной собственностью ввести публичную собственность, в рамках которой каждый гражданин РФ становится сособственником народного достояния без выделения его доли, что действительно позволит управлять (распоряжаться) объектами и субъектами собственности, т. е. создавать условия для извлечения из них максимально возможных свойств, и на этой основе узаконить «демократию» как «власть народа», не подменяя ее словосочетанием «свобода выбора», а значит полностью отказаться от давно изжившего себя «разделения власти», которое отождествляется с «разделением полномочий».

Область применения результатов: Полученные результаты могут широко использоваться на практике в условиях постоянно меняющейся объективной реальности.

Выводы: Скоротечное латание действующей Конституции РФ, которое сохраняет все противоречия в праве и его отрасли – Основном законе, точно также как и оставление ее без всяких изменений в принципе не могут решить проблему создания применительно к меняющейся реальной действительности оптимальных условий для извлечения максимально полезных свойств из объектов и субъектов собственности и максимального наполнения бюджета страны.

Ключевые слова: право; конституционное право; Конституция РФ; общественные отношения; аксиоматика отношений в обществе; принципы права; понятийные, статические и динамические противоречия; категориально-структурно-системный метод; функция права; функциональная структура; организационная структура; собственность; частная собственность; публичная собственность; демократия; разделение власти; разделение полномочий.

REFLECTION OF CONSTITUTIONAL LAW AND ITS «LEGAL CAPACITY»

ABSTRACT

State of matter: The application of philosophical categories that determine the nature, content and form of objects and phenomena makes it possible, with regard to law and its most important branch, the Constitutional Law, to form a clear idea not only about their reflection, but also about the reflection of its «legal possibility» - the Constitution RF.

The stability of their existence, which is understandable for most people, has always been linked without problems to the meaning and value of their life, and for this reason it is quite justified to proceed from the a priori assumption that such stability is unconditionally present in society. It was provided by a set of legal principles that characterized only the attitude of legal subjects to the law; the specific representation of the «function of law», which was defined as the «direction of legal influence», which corresponds to the «area of its meanings», the specific semantic content of the right to «dispose», and the «rules of law» that determine its content were not listed and received only a semantic description in the articles of normative legal acts.

Legal conflicts were supplemented by conflicts of the Basic law of the state, which include the fact that the principles of law were not included in it, while being formulated not in its preamble, but in normative legal articles, which allowed, although under the threat of punishment, to deviate from them; the basis of the «public relations» – «property» was characterized by a deficiency of her substantive views, allowing to identify the concept of «democracy» with «freedom of choice», and justified by Aristotle introduced «separation of powers», which those in power perceived somehow as «separation of powers».

Unfortunately, the amendments proposed and developed by the «Working group on amendments to the Constitution of the Russian Federation» do not eliminate these contradictions, just like the opposition's «street demands» to keep the Constitution of the Russian Federation unchanged.

Results: It is proposed to proceed from the fact that the objective reality associated with the presence of people in a very changeable and aggressive environment, with difficulties due to the presence of very contradictory interests of their coexistence, is changing, and stability is only a special case of it.

This makes it possible at the level of law and its most important branch – constitutional law-to base the axiomatics of relations in society on universal values; to use the categorical-structural-system method to identify conceptual, static and dynamic contradictions in law; to legalize the generally accepted concept of «function» and on this basis to develop a functional structure of law and implementing its organizational structure of law, allowing to identify static contradictions, while dynamic contradictions can be identified and eliminated by preliminary testing in practice, following the example of legal custom.

With regard to the Constitution of the Russian Federation proposed to introduce the principles of law and its content in the preamble; to return to the conventional understanding of «ownership» that is always meant legalized «the belonging of something to someone»; on its basis to legitimize its structural representation as a «complex object», allowing along with private property to enter the public property in which every citizen of the Russian Federation becomes a co-owner of the national heritage without allocation of its share that will really allow you to control (dispose of) objects and subjects of ownership, i.e. to create conditions for extracting the maximum possible properties from them, and on this basis to legitimize «democracy» as «the power of the people», without replacing it with the phrase «freedom of choice», which means to completely abandon the long-obsolete «division of power», which is identified with the «division of powers».

The scope of the results: The results obtained can be widely used in practice in a constantly changing objective reality.

Conclusions: Short-term patching of the current Constitution of the Russian Federation, which preserves all the contradictions in law and its branch-the Basic law, just as leaving it without any changes in principle cannot solve the problem of creating optimal conditions for extracting the most useful properties from objects and subjects of property and maximum filling of the country's budget.

Keywords: Law; constitutional law; the Constitution of the Russian Federation; public relations; axiomatics of relations in society; principles of law; conceptual; static and dynamic contradictions; categorical-structural-system method; function of law; functional structure; organizational structure; property; private property; public property; democracy; division of power; division of powers.

«Чем мы провинились перед Богом, Аллахом и другими?»

Президент показал и ещё покажет.

*Нам нет необходимости наступать на те же грабли,
что уже были.*

Надо же думать, что понимать!

Мы хотим идти вперед,

но нам все время кое-что мешает.

Мы всегда можем уметь.

Мы с вами ещё так будем жить,

что наши дети и внуки нам завидовать станут!»

В. С. Черномырдин

В общепринятом понимании дефиниция «философия» всегда означала «любомудрие, науку о достижении человеком мудрости, познании истины, добра» [8, С. 340], что являлось вполне обоснованным поводом для приобщения любого человека

к ее изучению. Такое очевидное представление философии сразу же позволяет сконцентрировать внимание на сущности, т. е. «состоянии сущего» [8, С. 207] предметов и явлений; на их содержании, т. е. «совокупности **происходящих в них** внутренних процессов» [9, С. 230] и на их форме, т. е. «всяким внешним выражении какого-либо содержания» [3, С. 310], а, значит, по этим основаниям дает возможность сформировать четкое представление об их рефлексии, т. е. «приемах осознания предпосылок и форм познавательной деятельности и знания, а также его содержании и методах» [29, С. 375], и, как следствие, – о месте этих предметов и явлений применительно к объективной реальности.

В связи с этим понятная и привлекательная для

большинства людей стабильность их существования, о которой постоянно говорит Президент РФ В.В. Путин, всегда легко и без всяких проблем увязывалась со смыслом и ценностью жизни в обществе, с проблемами существования людей в мире, с самим человеком и его предназначением, с продолжением его рода и по этой причине вполне оправдано исходила из априорного предположения о безусловном наличии в обществе такой стабильности. При таком весьма специфическом допущении совершенно понятным и к тому же проверенным веками становилось утверждение о том, что обеспечить такую стабильность может только «правление», с характерной для него обязательной «персонификацией, с его насильственным характером, с такими его историческими стадиями, как интердикция (запрещение, подавление); инфлюация (влияние) и в первую очередь в виде суггестии (внушения)» [5, С. 119-125], которые, казалось, в указанных стабильных условиях только и могут обеспечить совместные действия, совместный труд людей и т. п.

Однако объективная реальность, связанная с пребыванием людей в весьма изменчивой и агрессивной среде обитания, со сложностями в силу наличия у них весьма противоречивых интересов их совместного сосуществования, безусловно, всегда была меняющейся, ибо неизменно включала в себя «любые компоненты, неподконтрольные субъектам, которые, однако, всегда были способны к активному порой непреднамеренному и даже необдуманному воздействию на нее и на происходящие в ней процессы» [14, С. 4], а стабильность являлась всего лишь ее частным случаем подобно тому, как покой является частным случаем движения.

Естественно, что акцент на меняющуюся или стабильную объективную реальность можно рассматривать как некоторый посыл для выбора аксиоматики отношений в обществе, определяющей «возможность действовать, поступать каким-нибудь образом» [24, С. 468], где «аксиома» буквально означает «очевидность, ясную по себе и бесспорную истину, не требующую доказательств» [6, С. 54].

Применительно к праву, которое сегодня рассматривается как «совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе» [24, С. 468], роль таких аксиом всегда выпол-

няли принципы права, под которыми понимали «исходные положения, основополагающие правовые идеи, начала, от которых нельзя отступить на данном интервале времени» [12, С. 133]. Последнее вполне подтверждается и мнением весьма искреннего в своих суждениях В.С. Черномырдина, который весьма образно говорил: «Некоторые принципы, которые раньше были принципиальны, на самом деле были непринципиальны» [19].

Так, при стабильной направленности существования правовая аксиоматика неизменно определяла только отношение субъекта права к самому праву, в рамках которого обязанности для большинства населения всегда были абсолютны, права для него – всегда относительны, при фактическом отсутствии ответственности власть имущих, которые с удовольствием брали ее на себя, но, как правило, редко за что отвечали. В общем случае к их числу в настоящее время относят принципы «социальной свободы, социальной справедливости, демократизма, гуманизма, равноправия, единства юридических прав и обязанностей, ответственности за вину и законности» [4; 18, 23; 26] – «основные принципы стабильного миропорядка», имеющих к тому же весьма специфическое смысловое наполнение [11, С. 118-119].

При акценте на меняющуюся объективную реальность в основу правовой аксиоматики естественно могут быть положены понятные каждому члену общества общечеловеческие ценности, при этом принцип «социальной свободы» может быть заменен принципом «свободы», принцип «равноправия» – принципом «равенства», принцип «социальной справедливости» – принципом «справедливости» и т.п. с общепринятым и понятным всем и каждому смысловым наполнением, а также становится совершенно естественным введение нового принципа – принципа «всесторонней защиты обществом и его социальными институтами в рамках устанавливаемого в интересах общества и его предприимчивой части законодательства прав и свобод своих граждан» [11, С. 132-133].

Применительно к такой меняющейся объективной реальности и к основанной на общечеловеческих ценностях аксиоматике фундаментальная идея диалектики, связанная с выявлением различного рода присущих в исследуемых предметах и явлениях статических противоречий, существенно

расширяется и приобретает вид диалектического категориально-структурно-системного метода [14, С. 116-117], который включил в себя четыре необходимых и достаточных уровня:

- категориальный, позволяющий с использованием свойств (признаков) описать предмет или явление, а, значит, обнаружить у него такое «состояние сущего», которое дает возможность отличить его соответственно от других предметов или явлений;
- морфологический, позволяющий выявить внутренние присущие предмету или явлению статические противоречия между определяющей его содержание функциональной структурой и выражающей это содержание формой, представленной организационной структурой;
- системный (внутренний), позволяющий выявить внутренние присущие предмету или явлению динамические противоречия, которые проявляются только во взаимодействии структурных элементов друг с другом;
- системный (внешний), позволяющий выявить внешние присущие предмету или явлению динамические противоречия, которые проявляются только во взаимодействии его как целостного (эмерджентного) объекта с другими целостными (эмерджентными) объектами.

С учетом этого такой предмет как «право» в общем случае однозначно может быть определен предложенной С.И. Ожеговым категориальной дефиницией, которая справедливо утверждает, что право – это «узаконенная возможность» [24, С. 468], где понятие «возможность» буквально означает «средство, условие, необходимое для осуществления чего-нибудь» [24, С. 88], и позволяет отличить его от других отраслей знания. Отсюда прямо следует, что именно выбор в меняющихся условиях бытия наиболее рациональной «возможности» существования людей, которой затем придается «законный» характер, и делает подобную «возможность» правом. Как видно, при таком определении права вся проблема состоит лишь в том, чтобы успешно выбрать именно содержание такой «рациональной возможности существования», а затем уже тем или иным способом установить ее форму, «обязательную для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц».

Отражающий статику морфологический уровень представления права является более высокой степенью его познания и, безусловно, связан с понятием структура, под которой обычно понимается совокупность, элементами которой являются некоторые объекты или их группы, а также отношения (связи) между ними [12, С. 47]. Поскольку составляющими любую структуру элементами могут быть, с одной стороны, функции, а, с другой стороны, операционные объекты их осуществляющие, то, в общем случае, в рамках реализуемой рефлексии структуру права можно разделить на функциональную, определяющую содержание права, и организационную, характеризующую его форму, так что обе они вполне могут рассматриваться как две стороны его структурного представления.

Составляющее основу функциональной структуры понятие «функция» в общепринятом понимании всегда означало «действие» [8, С. 344] и, естественно, должно выражаться глаголом, а ее структурное представление во все времена включало в себя область определения функции, область значений функции и правила перехода от каждого элемента из области определения к некоторому элементу из области значений, т.е. собственно функции, при этом отображение элементов области определения в область значений считалось постоянным, если элементы области значений были одним и тем же элементом для всех элементов из области определения [12, С. 174-175].

Введенная таким образом функциональная структура права, естественно, должна реализовываться в его соответствующей организационной структуре, основу которой составляют «операционные объекты» или их группы. В праве в качестве таких операционных объектов выступают статьи нормативно-правовых актов, договоров нормативного содержания, правовых обычаев, правовых прецедентов после придания им установленным порядком общеобязательного значения. Как видно, здесь минимальным операционным объектом организационной структуры права является статья нормативно-правового акта, в которой и должны находить свое выражение один или несколько элементов функциональной структуры [32, С. 296-299].

Отсюда следует, что именно несоответствие функций функциональной структуры права отображающим их с той или иной степенью гомомор-

физма операционным объектам организационной структуры права – статьям нормативно-правового акта позволяет легко установить внутренние статические противоречия между определяющей его содержание функциональной структурой и выражающей это содержание формой – организационной структурой. На практике она легко выявляется при формализации статей нормативно-правовых актов, которая впервые в инициативном порядке была предложена и успешно реализована мной при участии В. В. Волкова еще в 1972 г. [16], что позволило выявить множество противоречий в ранее разработанных нормативно-правовых документах – правилах боевого применения.

Следует специально отметить, что всеобщее увлечение стабильностью сыграло с правоведами весьма злую шутку, и, возможно, для того, чтобы не совершать трудоемкую работу по выявлению совокупности функций, определяющих содержание права, правоведами стали определять «функцию права» либо как «социальное назначение» права, в котором проявлялась сущность права [1], либо как «направление правового воздействия на общественные отношения», которые были введены К. Марксом и включили в себя с его легкой руки только «собственность (присвоение), т.е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности¹...», а также отношение обмена и распределения» [25, С. 8], либо и то, и другое вместе взятое [28, С. 266]. Это естественно привело к появлению специально-юридических функций права (регулятивной и охранительной (ограничительной)), «социально-значимых» функций права (основной – интеграции и вспомогательных – коммуникативной (общения), информационной и оценочной), а также «социальных функций права» (экономической, политической, воспитательной, экологической и т.п.), которые на структурном уровне фактически подменили понятие «функция права» на понятие «область их значений».

Такой подход естественно потребовал введения в отображающую содержание права функциональную структуру нового элемента – нормы права, которая вынуждено определялась как «направленное правовое воздействие» и имела к тому же аналогичную с функцией права структуру: гипотезу, в которой указывались конкретные жизнен-

ные обстоятельства, при наличии или отсутствии которых действовала или прекращалась данная правовая норма; санкцию, в которой указывались юридические последствия и диспозицию, в которой закреплялось само правило поведения при наличии условий, предусмотренных гипотезой [12, С. 179].

Не трудно заметить, что по своему назначению и структуре такое понимание «нормы права» оказывается идентичным общепринятому пониманию «функции», так что «норма права» с учетом ее свойства самостоятельности вполне может рассматриваться в качестве минимального элемента «функции права». Тогда применяемые сегодня названия функций права: «регулятивная», «охранительная», «интеграционная», коммуникативная (общения), информационная, оценочная, экономическая, политическая, воспитательная, экологическая и т.п. могут рассматриваться как отдельные свойства функций права, присущие им в той или иной степени, и играть для функций права такую же роль, какую, например, играют свойства гладкости, непрерывности, дифференцируемости для математических функций (отображений, преобразований, операторов, отношений).

Отсюда следует, что банальная подмена понятия «функция права» на «область ее значения» естественно привела к тому, что и «нормы права» как «направленные правовые воздействия» перечислены не были, а получили в статьях нормативно-правовых актов такое смысловое описание, которое не позволяло сформировать представление о функциональной структуре права и сопоставить с весьма гомоморфным отображением ее в организационной структуре права, а, значит, и установить статические противоречия.

Более того, сложившееся в праве представление о функции права как «направлении воздействия» делало совершенно невозможным понять и определить характер их взаимодействия, которое здесь вынуждено должно было проявляться либо на области их определения, либо на области их значений, поскольку общепринятая суперпозиция функций обязательно требовала, чтобы область значений одной функции права являлась областью определения другой функции права [12, С. 183].

Наконец, отражающий динамику разработанные системный (внутренний) и системный (внешний) уровни, базирующиеся на теорией

¹ Вставлено автором

устойчивости А.М. Ляпунова [20] и позволяющие выявить соответственно внутренние и внешние присущие предмету или явлению динамические противоречия [10, С. 220-225], в условиях сложившегося представления о всеобщей стабильности применительно к праву вообще не использовались, так что динамические противоречия применительно к меняющейся реальной действительности могли быть выявлены только на практике.

Становится понятным, что сформированные таким образом аксиоматика, содержание и форма права обязательно предварительно должны испытываться практикой подобно тому, как в древние времена предварительно проверялся обычай перед тем как стать «обязательным для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц». Можно предположить, что, видимо, именно по этой причине принимаемые в настоящее время без предварительной проверки практикой оказавшимися в роли законодателей лицами (рвущимися к власти и достигшими ее на представительном уровне различного толка политиками; популярными артистами, певцами, известными режиссерами, врачами; переставшими выступать именитыми борцами, боксерами, хоккеистами, фигуристами; отставными генералами из силовых структур и т.п.) нормативно-правовые документы потом многократно уточняются, изменяются и дополняются в Государственной Думе РФ, бесконечно расширяя законодательный фронт работ и тем самым оправдывая высокую заработную плату, как правило, единодушно голосующих депутатов.

Бесспорно, что выявленные в праве с использованием разработанного категориально-структурно-системного метода противоречия в полной мере присущи всем отраслям права, включая и конституционное право, которое выступает важнейшей составной частью права.

В общем случае конституционное (от латинского *constitution* – устанавливаю, утверждаю) право на категориальном уровне можно определить как «узаконенную возможность» на основе априори принятой обществом аксиоматики совместного общежития и определенного этой аксиоматикой его содержания устанавливать в меняющейся реальной действительности оптимальные условия для извлечения максимально полезных свойств из объектов и субъектов собственности и соответствующую

этому способу функциональную и организационную «структуру, строение» [24, С. 244] бытия людей.

Первые, по сути, конституционные акты, появившиеся еще во времена шестого правителя Вавилонского царства Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.), пытались просто устранить границы несправедливости между имевшими тогда разными по физической силе и общественному положению людьми [30, С. 2], и только в конце XVIII в. в США, Франции и Польше конституции стали устанавливать уже границы для институтов власти, которые в тот период тем самым обеспечивали баланс основных социальных интересов, представленных в обществе.

Формой выражения в нашей стране конституционного права, являющегося составной частью права со всеми присущими ему противоречиями, стала Конституция РФ. По своему назначению она должна была в сменившем социалистический строй постсоциалистическом обществе «регулировать» важнейшие определенные К. Марксом «общественные отношения» [25, С. 8] между человеком, обществом, гражданином, государством, всю «общественную жизнь, упорядочивая тем самым отношения между свободными социальными субъектами и обеспечивая устойчивость таких общественных отношений и общественной жизни в целом – ее стабильную направленность» [14, С. 60], и, естественно, закреплять основы конституционного строя и организацию государственной власти, фактически позволяющих:

- 1) обеспечивать возможность для предприимчивой части общества получать за счет эксплуатации большинства прибыль (наживу);
- 2) поддерживать жизнедеятельность большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли;
- 3) стабилизировать такую ситуацию при негласном априорном предположении, что как только предприимчивая часть обогатится, то сразу же наступит всеобщее благоденствие [13, С. 17].

Однако разработанный в весьма сжатые сроки уважаемыми юристами-политиками А.А. Собчаком, С.М. Шахраем, известным правоведом-теоретиком С.С. Алексеевым и Конституционным совещанием РФ «Основной закон государства» от 12 декабря 1993 г. с последующими внесенными Законами РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ и от 21.07.2014

№ 11-ФКЗ поправками лишь «закрепил основы конституционного строя России, государственное устройство, образование представительных, исполнительных, судебных органов власти и систему местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина, а также конституционные поправки и пересмотр Конституции» [19] и дополнился новыми специфическими противоречиями. Это создало именно те условия, которые были необходимы для обеспечения жизнедеятельности многонационального народа России через обогащение его предприимчивой части – быстро сформировавшейся на базе советского партийно-бюрократического аппарата российской бюрократии и тут же возникнувших российских капиталистов. Этому в полной мере сопутствовало то, что общеправовые принципы «социальной свободы, социальной справедливости, демократизма, гуманизма, равноправия, единства юридических прав и обязанностей, ответственности за вину и законности» [4; 18; 23; 26] непосредственно включены в состав Конституции РФ не были, а ее создатели ограничились словосочетанием «общепризнанные принципы», которые упоминались, например, в ч. 4 ст. 15; ч. 1 ст. 17 и ст. 69 Конституции РФ, при этом приведенный в п. и) ч. 1 ст. 72 Конституции РФ «общий принцип налогообложения и сборов», в п. н) ч. 1 ст. 72 и ч. 3 ст. 75 Конституции РФ «общий принцип организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» и в ч. 1 ст. 77 Конституции РФ «принцип организации представительных и исполнительных органов государственной власти» расшифрованы не были и стали новым и весьма своеобразным дополнением к указанным выше общеправовым принципам.

Более того, в отличие от Свода законов Хаммурапи, где правовые принципы были приведены в преамбуле, поскольку от них по определению отступить в принципе было нельзя, «общий принцип налогообложения и сборов», «общий принцип организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» и «принцип организации представительных и исполнительных органов государственной власти» должны были «устанавливаться федеральными законами», от которых вообще-то всегда можно отступить, хотя и под «угрозой наказания», что полностью нивелировало само понятие «принцип права».

К числу фундаментальных противоречий Конституции РФ следует отнести также и закрепленную в ч. 2 ст. 8; ч. 2 ст. 9; ч. 1, 2 ст. 35; ч. 1 ст. 36; ч. 1 ст. 44; п. д), о) ст. 71; п. г_ ч. 1 ст. ст. 72; п. г), е) ч. 1 ст. 114; ч. 1 ст. 130; ч. 1 ст. 132 Конституции РФ материальную основу существования общества и его предприимчивой части, человека и гражданина, государства и власти, которая базируется на используемых в ней представлениях «собственности» («частной собственности, федеральной собственности, собственности субъектов федерации и муниципальной собственности»), которая является сущностным элементом определенных К. Марксом «общественных отношений» [25, С. 8].

Хорошо известно, что как экономическая категория собственность появилась вместе с человеческим обществом и ее развитие прошло длительный исторический путь, который завершился:

- «экономическим» по Г. Гегелю представлением собственности, в соответствии с которым «каждый свободный человек являлся личностью, находящейся в неразрывной связи с принадлежащей ему от рождения или приобретенной «собственностью» (землей, являющейся, правда, средой обитания всех людей, ее природными ресурсами, вещью, имуществом (вещами), материальными благами), не подлежащими отторжению;
- «экономико-политическим» по К. Марксу представлением, в рамках которого собственность рассматривалась как отношение определенных лиц (собственников) к объектам собственности как к своим, как к принадлежащим им (первая часть), и соответственно – отношение всех других лиц (несобственников) к указанным объектам собственности как к чужим, не принадлежащим им (вторая часть).

Как юридическая категория собственность до настоящего времени определяется лишь экономическим по Г. Гегелю представлением, которое сходно только с первой частью экономико-политического по К. Марксу представления собственности, и закрепляется разработанным соответствующим правом собственности, при этом вторая часть экономико-политического представления собственности своего юридического закрепления не нашла (ч. 2 ст. 35 Конституции

РФ), что в целом и определило дефицитарность экономического, экономико-политического и правового представления собственности [17]. Это полностью подтверждается мнением академика РАН, профессора Ю.К. Толстого, который также считает, что поскольку «в самом первом приближении собственность можно определить как отношение индивида или коллектива к принадлежащей ему вещи как к своей» [31], то оно выражается только «во владении, пользовании и распоряжении ею» с соответствующим их специфическим смысловым наполнением [12, С. 84].

Так, частная собственность в рамках сложившихся тогда представлений должна обслуживать исключительно интересы ее субъектов, к которым были отнесены индивидуальные предприниматели, юридические лица, РФ, субъекты РФ и муниципальные образования, занимающиеся извлечением прибыли. Как видно, в результате этого приобщенными к частной собственности оказались органы государственной власти, местного самоуправления, которые получили возможность соответственно от имени РФ, ее субъектов и муниципальных образований «своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности в рамках их компетенции»; отдельные министерства, которые в положениях о них были прямо обозначены как юридические лица, а также законодательно введенные в министерства юридические лица для осуществления предпринимательской деятельности, направленной на извлечение прибыли. Для этого в гражданско-правовые отношения было введено такое правомочие собственника, как «распоряжаться, т. е. определять юридическую судьбу объекта собственности: продавать, дарить, сдавать в аренду, отдавать в залог и т.п.» [12, С. 84], которое, однако, в общепринятом понимании всегда являлось синонимом «управлять» [8, С. 313], означающим, по сути, «создавать условия для извлечения максимально полезных свойств», но у которого принципиально была изменена его сущность, ибо только правомочие «владеть» объектом собственности непосредственно связано с правом определять его юридическую судьбу, которая и может меняться в результате купли-продажи, дарения, наследования и т. п. [12, С. 84].

Кроме того, использование наряду с частной собственностью еще и «трехслойного пирога» из форм собственности, который возник на месте форм «социалистической собственности», привело к целому ряду серьезных проблем. Действительно, если собственником федеральной собственности является федерация, то она относится к федеральным объектам собственности как к своим, как к принадлежащим ей, а все остальные – общество, каждый его член, субъекты федерации, муниципальные образования, юридические лица вынуждены относиться к ним как к чужим, не принадлежащим им.

С учетом этого, исходной, определяющей мерой для установления применимости форм собственности следует считать соответствие экономико-политического представления форм собственности, утверждающего, что собственник относится к объектам собственности как к своим, как к принадлежащим ему (первая часть), а все другие лица относятся к ним как к чужим, не принадлежащим им (вторая часть) [22, С. 479], и их правового представления [17], которое сегодня позволяет соответственно только государству, субъектам федерации и муниципальным образованиям «владеть, пользоваться и распоряжаться» ими как своими, но к тому же оставляет без правового закрепления то, что все несобственники полностью лишены указанных правомочий.

Становится ясно, что такие формы собственности и «экономические» интересы таких собственников, направленные по действующему законодательству на «обеспечение интересов большого количества людей, проживающих на конкретной территории», оказываются противопоставленными интересам этих людей, которые полностью отторгнуты от таких объектов собственности. Более того, такой «трехслойный пирог» из введенных форм собственности, создавая видимость трехкратного возникновения права собственности у отдельных групп населения, проживающих на конкретной территории, на самом деле прикрывает факт «скрытого» присвоения социальными институтами различного уровня фактических прав собственника, создавая на уровне государства благодатную почву для коррупции, взяточничества и казнокрадства, поскольку общество по смыслу только делегирует этим соци-

альным институтам права пользоваться, т. е. извлекать полезные свойства из объектов собственности и распоряжаться ими, т. е. управлять, создавая условия для извлечения максимально полезных свойств из них, но не владеть ими.

В то же время введенные в настоящее время законодателем наряду с частной собственностью лишь в ч. 1 ст. 244 Гражданского кодекса РФ понятие «общей собственности, круг участников которой законом не ограничен», может быть распространено и на все общество, которое является фактическим собственником народного достояния, при этом его сособственниками без выделения их доли должны выступать граждане РФ, место которых в так называемой «общенародной собственности» в свое время не сумел определить К. Маркс. Предоставленная законом возможность самим участникам такой «общей собственности» выбирать их форму подтверждает и с этой стороны на конституционном уровне принципиальную возможность перехода от коллизионного «трехслойного пирога из форм собственности», обеспечивающих, по сути, интересы только предприимчивой части общества, именно «общей собственности», которая приобретает статус «публичной собственности», обеспечивающей интересы и общества, и его предприимчивой части.

Отсюда следует, что планомерно проведенное создателями Конституции 1993 г. и сохраняемое поныне конституционное отторжение населения РФ от принадлежащих ему по праву на основе общей совместной собственности «народного достояния», введение наряду с частной собственностью «трехслойного пирога» из форм собственности, который возник на месте форм «социалистической собственности» и по прежней схеме обслуживает риски новой предприимчивой части, существенно сужают возможности и результативность хозяйственной деятельности, приводят к росту антагонизма общества и его предприимчивой части, и, как следствие, оказывает влияние на стратегию и тактику ведения публичного и частного хозяйства.

В связи с изложенным и в отличие от представлений К. Маркса, который осознанно отождествлял категорию «собственность» с отношением «присвоить» [25, С. 8], имеет смысл не только вернуться к общепринятому пониманию «собственности», которая на категориальном уровне всегда

означала узаконенную «принадлежность чего-нибудь кому-нибудь» [24, С. 593], а на морфологическом уровне – «сложный объект, включающий в себя совокупность элементов в виде объектов собственности (земли, являющейся средой обитания всех людей; принадлежащих народу природных ресурсов; принадлежащих народу средствах производства; вещи; имущества (вещей), материальных благ), субъектов собственности (собственников; несобственников, в отношении которых нет волеизъявления собственников; несобственников, в отношении которых есть волеизъявление собственников и согласие таких несобственников) и отношений субъектов собственности к объектам собственности, а также отношений между субъектами собственности по поводу образования, накопления, отчуждения (захвата), присвоения, обмена или мены, охраны, обороны (защиты), распределения, перераспределения объектов собственности и иные отношения, которые все вместе приобретают характер правоотношений, когда они становятся обязательными для всех во времени в пространстве и по кругу лиц» [15, С. 248-249; 12, С. 164-166], но и конституционно закрепить их.

Поскольку и частная собственность, и публичная собственность должны обладать равными правами при наполнении бюджета страны, а только общее или только частное являются, по мнению правоведа М.М. Агаркова, крайними, вырожденными случаями, то в меняющихся условиях реальной действительности возникает очевидная возможность [12, С. 244-245]:

1) установить оптимальные правовые условия в РФ для ведения субъектами права хозяйственной деятельности с использованием объектов публичной и частной собственности, поскольку полная свобода приводит к анархии и произволу, а сужение возможностей резко уменьшает наполнение бюджета страны;

2) определить в рамках установленных оптимальных правовых условий в РФ по ведению хозяйственной деятельности оптимальные пропорции между объектами публичной и частной собственности для максимального наполнения бюджета страны.

Введение публичной собственности с ее ярко выраженной социальной направленностью и включение ее в эффективный хозяйственный оборот

с полным основанием позволяет рассматривать ее как частную, где все граждане выступают в роли собственников без выделения доли каждого, что имеет принципиальные отличия от проведенной в РФ «ваучеризации».

Не трудно понять, что введенная публичная собственность в полной мере определяет и материально-правовую основу «демократии», о которой упоминается, но которая не детализируется в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ.

Действительно, всем хорошо известно, что слово «демократия» (др.-греч. *δημοκρατία*) буквально означает «власть народа» и происходит от др.-греч. слова *δῆμος* – «народ» и *κράτος* – «власть» [6, С. 396]. Понятно, что любая власть базируется на таком понятии как «собственность», которая является ее материальной основой. Если при использовании лишь «элементов демократизма» власть предприимчивой части общества базируется на частной собственности, а применительно к России также еще и на формах собственности, то естественно предположить что народовластие должно базироваться именно на публичной собственности, т.е. собственности народа на землю, являющейся средой обитания людей, на принадлежащих народу природных ресурсах, на принадлежащих народу средствах производства и т.п., что и позволяет людям самим себя кормить, поить, одевать, сами заставлять себя работать, чтобы достойно жить.

Именно здесь народ как собственник, а значит и как «единственный источник власти в РФ» будет относиться к объектам публичной собственности как к своим, как принадлежащим ему, а все остальные должны будут относиться к ним как чужим, не принадлежащим им, при этом каждый гражданин будет относиться к своей невыделенной доле в публичной собственности как к своей, как принадлежащей ему, а все остальные будут относиться к ней как к чужой, не принадлежащей им.

Такое конституционное закрепление демократии, которая сегодня по примеру западных стране почему-то отождествляется со «свободой выбора», позволит гражданам с их невыделенной долей в публичной собственности и гражданам, ведущим хозяйственную деятельность на основе частной собственности, нанимать высококвалифицированных специалистов для того, чтобы они пользовались и управляли объектами собственности без права

изменять их юридическую в интересах публичного собственника и частных собственников по схеме работы собственников в юридических лицах.

Это позволит тут же отказаться от отождествления понятия «демократия», например, со «свободой выбора представителей народа в законодательные органы», которая, по сути, является всего лишь одним из способов привлечения специалистов в соответствующие социальные институты, и без напряжения перейти от использования неэффективного метода «править», который является всего лишь частным случаем высокоэффективного метода «управлять», использующего принцип «обратной связи» [14, С. 223-224].

С учетом этого введение наряду с частной собственностью вместо противоречивого «трехслойного пирога» из форм собственности публичной собственности в полной мере исключит необходимость «разделения власти на ветви», которое было введено ст. 10 Конституции РФ, поскольку использовать (пользоваться, управлять (распоряжаться)) объекты публичной и частной собственности в интересах и общества, и его предприимчивой части могут только работающие по найму на договорной основе специально обученные, высококвалифицированные специалисты, входящие в состав органов управления и социальных институтов.

Действительно, суть придуманного еще великим древнегреческим мыслителем Аристотелем (древнегреч. *Ἀριστοτέλης*) (384-322 гг. до н.э.) «разделения власти», которая представляет собой «право, силу и волю над чем, свободу действий и распоряжений, начальствование» [6, С. 226], на «ветви» исходило из того, что концентрация государственной власти как формы правления в чьих-то одних руках в конечном итоге неизбежно ведет к весьма отрицательным последствиям. В связи с этим и стали считать, что только и только «разделение власти» именно на три ветви, которые «должны вверяться в разные руки» [2], якобы, сможет снизить степень злоупотреблений и произвола каждой из них [27, С. 30].

Однако, такое внешне привлекательное и обнадеживающее предположение о том, что именно «разделение власти» на ветви будет сдерживать и балансировать каждую из них [21, С. 28], а потому сможет воспрепятствовать узурпаторским намерениям и в то же время одновременное предположение о возможности согласования дея-

тельности этих ветвей для достижения ими единой, общей для них цели является полностью безопасным.

Обозначим для наглядности через *a* – законодательную ветвь власти; через *b* – исполнительную ветвь власти, а через *c* – судебную ветвь власти. Тогда баланс таких ветвей власти, превращающий их в «добросовестных оппонентов друг другу», может быть описан системой уравнений:

$$\begin{aligned} a + b &= c \\ a + c &= b \\ b + c &= a \end{aligned} \quad (1)$$

Не трудно заметить, что система (1) имеет всего лишь одно единственное решение, когда $a = b = c = 0$. Это математически вполне подтверждает тот факт, что власть всегда монолитна, ее ветви составляют единое целое, имеют единую цель и реализуют общие функции по обеспечению возможности для предприимчивой части общества получать прибыль, наживу за счет большинства, а потому необходимость ее деления на ветви следует признать фикцией.

Это вполне подтверждается практикой, которая показывает полное нежелание, например, законодательной ветви власти «оппонировать» исполнительной ветви (см. исх. Совета Федерации РФ № 5.8.5/11474п-2 от 08.05.2019).

Так, например, «Начальник Управления организационного обеспечения» Совета Федерации РФ Н.П. Костюлин, который в полной мере выражает мнение Председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, делегировавшей ему свои полномочия «депутата Совета Федерации РФ» отвечать за нее как депутата на поданные на ее имя жалобы граждан, не задумываясь полностью отождествляет «разделение власти на ветви», где «раздел» означает «присоединиться в *рамках оппонирования* к чьему-нибудь мнению, обнаружить солидарность, согласие с кем-чем-нибудь» [24, С. 521], с «разделом полномочий», означающим «делить *полномочия* на доли, части» [7, С. 466]. Эта милая «понятийная ошибка» фактически привела и «Начальника Управления организационного обеспечения» Совета Федерации РФ Н.П. Костюлина, и делегировавшую ему указанные выше полномочия Председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко не только:

- к неисполнению п.п. 1) – 5) ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» (N 59-ФЗ);

- неисполнению обязанности «депутата Совета Федерации РФ», определенную п.п. з) ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 08.05.1994 N 3-ФЗ (в послед. ред. от 23.07.2013 N 209-ФЗ) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» (N 3-ФЗ),

- к противоправному применению ч. 3 ст. 8 N 59-ФЗ,

но и к прямому нарушению ч. 6 ст. 8 N 59-ФЗ, которая «запрещает направлять жалобу на рассмотрение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которых обжалуется».

Выделенные из Конституции РФ весьма противоречивые позиции, которые при желании могут быть существенно расширены, показывают, что предложенные 15 января 2020 г. в 13:15 в «Послании Президента Федеральному Собранию» новые поправки никоим образом не устраняют фундаментальные противоречия в праве, а также специфические противоречия во входящем в него конституционном праве, а потому, в принципе ничего не меняя, обеспечивают Президенту РФ достижение какой-то его пока еще скрытой от всех тайной политической цели.

Так, внешне привлекательная для плебисцита, якобы, «социальная направленность» поправок, по сути, фактически полностью соответствует объективно существующей функции власти «поддерживать жизнедеятельность большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли», а предложения сделать Россию еще «сувереннее»; лишить «занимающих должности, критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны» второго гражданства, что, извините, однако, несколько противоречит ч. 1 ст. 19 и ч. 2 ст. 55 Конституции РФ; ужесточить требования к лицам, претендующим на должность Президента РФ; возродить хорошо оплачиваемый операционный объект – «Государственный совет», «рабочие группы которого должны обеспечивать профессиональное, всестороннее и качественное рассмотрение наиболее значимых для граждан и страны вопросов», но куда по принятой в РФ схеме не сможет обратиться простой гражданин» и т.п., вообще ничего не меняют, но позволяют, на мой взгляд, «оприходовать» бюджетные деньги для организации дорогостоящего голосования по всей стране.

Специально созданная Президентом РФ «Рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ» существенно расширила перечень предложенных Президентом РФ поправок, которые, однако, тоже не исключили общих противоречий в праве и специфических противоречий Конституции 1993 г. Удивительным здесь следует признать озвученную по телевидению сопредседателем рабочей группы, председателем Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинниковым активно применяемую в стране «процентную схему оценки», когда называется в процентах величина одобренных поправку опрошенных лиц, но без указания абсолютного размера выборки, ибо, например, указанные 90% одобренных поправку могут быть получены, как в случае, когда их число равно 9 из 10, так и в случае, когда их число равно 900 из 1000.

Все это напоминает известный из физики пример – «прыжок на месте», когда затраты имеют место, а работа равна нулю.

Показательным является также «уличное оппонирование» Президенту РФ В.В. Путину стремящейся к власти оппозиции, которая считает Конституцию РФ 1993 г. верхом совершенства и требует ее сохранения. Можно предположить, что, придя к власти, оппозиционеры сразу же проведут передел частной собственности и предпримут все усилия для своего обогащения за счет большинства.

Понятно, что завоевать материально-правовые симпатии большинства населения или действующая власть, или ее оппозиция смогут лишь, введя наряду с частной собственностью публичную собственность, в рамках которой каждый гражданин станет сособственником народного достояния без выделения его доли. Здесь, безусловно, важно лишь то, кто из них быстрее поймет это.

Таким образом, скоротечное латание действующей Конституции РФ, которое сохраняет все противоречия в праве и его отрасли – Основном законе, точно также как и оставление ее без всяких изменений в принципе не могут решить проблему создания применительно к меняющейся реальной действительности оптимальных условий для извлечения максимально полезных свойств из объектов и субъектов собственности и максимального наполнения бюджета страны.

Список литературы

1. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – 134 с.
2. *Барнашов А. М.* Теория разделения властей: становление, развитие, применение. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – 100 с.
3. Большая советская энциклопедия: [В 51-ом т.]. Т. 45. – 2-е изд. – М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1956. – 672 с.
4. *Боннер А. Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – М., 1992. – 319 с.
5. *Гелих О. Я.* Управление в социально-философском и социологическом понимании // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: научный журнал. – 2009. – № 117. – С. 119 – 125.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 1. – 640 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 3: – 576 с.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 4 – 576 с.
9. Диалектический материализм / Под общей редакцией академика Г. Ф. Александрова. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954 – 439 с.
10. *Домаков В.В.* Методология комплексирования информационно-технических средств загоризонтной радиолокации. – СПб: Изд-во ВАС, 2005. – 279 с.
11. *Домаков В. В.* Теория военного права в военно-морском флоте Российской Федерации на основе сущностного признака общественных отношений – собственности: дис. ... докт. юрид. наук: 20.02.03. – СПб: Военно-морской академии им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, 2009. – 386 с.
12. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака общественных отношений – собственности (на примере Российской Федерации): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – СПб: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2018. – 430 с.

13. Домаков В. В. Теория права на основе существенного признака – собственности. 2-е изд. доп. – СПб: Стратегия будущего, 2018. – 328 с.
14. Домаков В. В. Философия теории управления социально-экономической сферой в «мире изменений» XXI века: дис. ... докт. философ. наук: 09.00.11. – СПб: Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2014. – 348 с.
15. Домаков В. В. Экономико-хрестоматическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы / Книга 4. Экономико-хрестоматическая доктрина обеспечения жизнедеятельности и общества, и его предприимчивой части в эволюционной модели социально-экономической сферы и ее правовое обеспечение. – СПб: Стратегия будущего, 2016 г. – 617 с.
16. Домаков В. В., Волков В. В. Формализация правил боевого применения средств РЛПД / Отчет по НИР № 145169, шифр «Штурвал-М14». Предварительный отчет. Ч. 1, Книга 2. – В/часть 10729, 1972.
17. Домаков В. В., Чернолес В. П. Диплом № 33 – S на открытие «Закономерность изменения эффективности жизнедеятельности общества в условиях вариации среды хозяйствования» от 23. 11. 2007 г., г. Москва. Регистрационный № 445.
18. Дробязко С. Г. Теоретические проблемы свободы личности и субъективных прав в правовых отношениях // Теория и практика реализации субъективных прав физических и юридических лиц: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 6-7 декабря 2001 г.; отв. ред. И. Н. Колядко / БГУ. – Минск, 2003. – С. 3–5.
19. Лучшие афоризмы Виктора Черномырдина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/kstolica/luchshie-aforizmy-viktora-chernomyrdina-5bde3c1b228e4f00aaa63af0>
20. Лянунов А.М. Общая задача об устойчивости движения. – М.-Л.: Гос. изд. техн. теорет. лит., 1950. – 472 с.
21. Магомедов А. М., Сергеев А. И., Швецов В. И. Судостроительство в Российской Федерации / Под ред. В. И. Швецова. – М., 1995. – 352 с.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 46, ч. 1. – 559 с.
23. Муромцев С. А. Право и справедливость. – М.: Северный вестник, 1892. – 258 с.
24. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.
25. Политическая экономия: учеб. пособие для школ основ марксизма-ленинизма / О. Н. Агапова [и др.]; рук.-ли автор. коллект. А. Н. Малафеев, Ю. В. Яковец. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 367 с.
26. Покровский И. А. Справедливость, усмотрение и судебная опека. Дилеммы современного гражданского права в области договоров. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1901. – 26 с.
27. Правоохранительные органы: учебник для вузов / Под ред. проф. К. Ф. Гуценко. – М.: БЕК, 1995.
28. Радько Т. Н. Функции права // Общая теория права: курс лекций; под общей ред. проф. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегород. высшая школа, 1993. – С. 266 – 281.
29. Реалистическая философия: Учебник для вузов / Зобов Р. А., Обухов В. Л., Сугакова Л. И. и др. / Под ред. В. Л. Обухова. – 3-е изд., перераб. – СПб: СПбГАУ, ХИМИЗДАТ, 2003. – 384 с.
30. Теплов Э. П., Теплова Н. А. История политических и правовых учений от древности до наших дней: информация и краткий анализ. Тезисы лекций (учебно-методическое пособие). Часть 1. – СПб.: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2000. – 68 с.
31. Толстой Ю. К. К учению о праве собственности // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 15–17.
32. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. Г. Стрекозова. – М.: изд. «Интерстиль», 1997. – 377 с.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2020 г.
Принята к публикации 30 марта 2020 г.

Ссылка для цитирования: Домаков В.В. Философия рефлексии конституционного права и его «узаконенной возможности» // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 1(29). С. 53-65. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-1-53-65>